

Над Залом Тихой Кончины сгустились темные тучи.

Осень в этом году выдалась ранней, но духота стояла невыносимая. Деревья в Муяме не сбрасывали листву сами, поэтому ветви ободрали вручную — обнажившиеся кривые сучья замерли у поминального зала, точно выскобленные кости оскаленных чудовищ.

С черного ската крыши свисали белые траурные гирлянды, а белые тенты тянулись с обеих сторон к самому центру мемориала.

Все прибывшие надели черное: мир сжался всего до двух цветов — траурного белого и погребального черного.

Кавалькада черных автомобилей плавно застыла перед поминальным навесом. Охранник подскочил ко второй машине и распахнул дверцу.

Гань Чуань сегодня оделся подчеркнуто сдержанно. Впервые с тех пор, как он вошел в руководство Строительно-промышленной группы, на нем был строгий костюм с прямоугольными лацканами и глухой черный галстук. Даже волосы он гладко зачесал назад, зафиксировав гелем.

— Где Лю Чжиян? — спросил Гань Чуань, ступив на асфальт.

— Советник Лю сказал, что у него возникло дело, и просил вас идти без него, — отозвался шестерка.

Гань Чуань бросил взгляд на заднее сиденье соседнего авто: Лю Чжиян хмурился, не снимая трубки с уха.

Не дав никаких указаний, Гань Чуань во главе своей свиты шагнул под траурные своды.

Впрочем, первыми они не были.

За столом по левую сторону от гроба сидел Чэнь Сун и с аппетитом уплетал лапшу.

Гань Чуань взглянул на портрет усопшего Хозяина Яня, взял с подноса благовония и, отвешивая поклоны, негромко забормотал:

— Босс, покойся с миром. Пусть тебя берегут Аллах, Будда и Иисус... Аминь.

Чэнь Сун втянул последнюю макаронину, вытер губы салфеткой и, бросив засаленную бумажку прямо под ноги Гань Чуаню, поднялся, намереваясь уйти в задний покой — дежурить у гроба.

Гань Чуань подобрал с пола мусор, запихал его себе в карман и бросил вслед Чэнь Суну с явным раздражением:

— Мать твоя, у тебя совесть есть? Это вообще-то общественное место.

Чэнь Сун лишь желчно ухмыльнулся, не оборачиваясь:

— Лапша отличная. Рекомендую.

Завершив обряд под тихие молитвы монахов, Гань Чуань прошел в глубину зала.

Верхушка «Цзяньгун» кучковалась по углам, будто собравшись не на похороны босса, а на светский раут.

Гань Чуань перебросился парой фраз с одной из таких группировок, как снаружи поднялся шум. Кто-то гаркнул:

— Губернатор Восточного района прибыл!

Минутой ранее Лю Чжиян, еще сидя в машине, ответил на звонок. Звонил шериф Му из политуправления.

Тот задал всего два вопроса. Первый: где труп полицейского? Второй: готов ли Лю Чжиян сотрудничать?

— Я легальный советник Группы, — холодно отозвался Лю Чжиян. — И не обязан с вами сотрудничать.

Шериф тихо усмехнулся в трубку:

— Господин Лю, факс с вашими регистрационными данными из полиции уже лежит у меня на столе.

— А у меня на руках тело того самого копа, — срезал Лю Чжиян. — Кстати, перед смертью он под запись признался, что гибель Босса Яня — ваших рук дело.

На том конце провода повисла тяжелая, затяжная тишина.

Лю Чжиян сбросил вызов. Едва он вышел из машины, как к аллее подрулила еще одна.

Белоснежный «Роллс-Ройс» плавно замер у ступеней. Из дверцы поднялся мужчина лет пятидесяти, облаченный в традиционный наряд Муямы.

При его появлении присутствующие синхронно склонили головы, скрестив руки за спиной.

Лю Чжиян нахмурился. Губернатор Восточного района — Даэр.

Не успел Лю Чжиян сделать и шага, как за спиной раздался еле слышимый голос Гань Чуаня:

— Ох, господин губернатор! Какими судьбами? Предупредили бы заранее, я бы лично встретил вас у ворот!

Гань Чуань с расплывшейся до ушей улыбкой шагнул навстречу Даэру и заключил того в объятия.

Даэр ответил столь же теплым — и столь же фальшивым — пожатием:

— А-Гань, давно не виделись. Трагедия-то какая стряслась... Как я мог не приехать?

Гань Чуань громко расхохотался и увлек Даэра внутрь. Чэнь Сун тоже высыпал навстречу; оба они наперебой заискивали перед высокопоставленным гостем.

Лю Чжияна передернуло от этой картины. На похоронах они скалились так, будто гуляли на свадьбе.

Даэр первым делом подошел к алтарю Босса Яня. Проследив, как три палочки благовоний погружаются в пепел, он тяжело вздохнул:

— Старый друг... Столько лет ты пахал без продыху. Теперь, когда прилег отдохнуть, не бери в голову мирскую суету, спи спокойно. О твоих делах и о твоём наследии есть кому позаботиться.

Остальные боссы «Цзяньгун» подходили один за другим, соревнуясь в изысканности реверансов. При жизни Яня именно они поливали губернатора самой последней грязью.

Даэр с мягкой улыбкой кивал каждому. Окончив соболезнования, он уселся за стол вместе с Гань Чуанем и Чэнь Суном. Сделав глоток горячего чая, озабоченно спросил:

— Так что в итоге? Несчастный случай или чей-то умысел?

— Я поднял записи с камер, допросил певичку, которая была с ним, — ответил Гань Чуань. — Похоже, босс просто перебрал с алкоголем, оступился и вывалился за борт.

Даэр качнул головой и прискорбно цокнул:

— Эх... Судьба. От нее не уйдешь.

Чэнь Сун ненадолго задумался и вставил:

— Не все так просто. Я поднял списки пассажиров — на яхту проник чужак, не из штата компании. Еще до отплытия засекли подозрительного типа... И хотя его скрутили, дело темное.

Губернатор состроил изумленную мину:

— Вот как? Замдиректора Чэнь, вы должны провести самое тщательное расследование! Иначе душа Хозяина Яня не обретет покоя!

Чэнь Сун перевел скользкий взгляд на Лю Чжияна, стоявшего за спиной Гань Чуаня:

— Когда босс ушел под воду и началась суматоха, нашего советника Лю почему-то и видно не было. Босс с тобой, конечно, откровенничать не любил, Лю Чжиян, но с твоей стороны такое равнодушие выглядит... паршиво.

— Слышь, — Гань Чуань поставил пиалу на стол. — Замдиректора Чэнь, ты чего не знаешь — не мели. Советник у нас трусливый, перепугался до смерти, вот я и велел ему сидеть в каюте.

Чэнь Сун оскалился:

— Что ты так распетушился? Я же просто к слову.

— А то я не знаю, к какому ты слову, мразь, — отрезал Гань Чуань.

— Господа, — вмешался Даэр, умиротворяюще подняв ладонь. — Босс Янь умер, вся группа теперь на ваших плечах. К чему эти междоусобицы? Нехорошо, нехорошо.

Он причитал «нехорошо», а у самого морда едкой радостью расплывалась. Чем сильнее грызутся вожаки «Цзяньгун», тем жирнее кусок достанется власти.

Губернатор сделал еще глоток:

— Раз уж я здесь, есть один вопрос, который нам стоит обсудить.

Гань Чуань и Чэнь Сун подобрались. Вся эта словесная шелуха осталась позади — начинается сугубый бизнес.

— Вы и сами знаете, Муяма — край непростой, — затянул Даэр. — Но как бы там ни было, ежегодно к нам прет поток туристов. С некоторыми дурными традициями пора кончать, иначе они окончательно угрожают нам репутацию и туристический бизнес. Согласны?

Гань Чуань усмехнулся, промолчав.

Чэнь Сун нахмурился:

— И о каких «дурных традициях» речь?

— Бордели, наркотики, подпольные казино — со всем этим нужно беспощадно бороться! — Даэр назидательно постучал пальцем по столу. — С игорным бизнесом расправиться проще всего. Так что с сегодняшнего дня я ввожу в Восточном районе тотальный запрет на азартные игры.

Лицо Чэнь Суна мгновенно перекосило — он только-только прибрал к рукам казино «Ваньхао».

Даэр приподнял пиалу, пригубил и с разочарованием поморщился:

— Остыл чай... Остыл.

С этими словами он поднялся и не спеша направился к выходу.

Гань Чуань доел чужую порцию лапши и тяжело вздохнул:

— А ведь и правда вкусно! Нет, ну надо же — с чего бы в крематории так готовить? Дорогой, попробуй, пальчики оближешь.

Лю Чжиян стоял с каменным лицом. Гань Чуаню пришлось окликнуть его несколько раз, прежде чем тот очнулся от своих мыслей.

— Ты чего витаешь в облаках, дорогой? — с улыбкой спросил Гань Чуань.

Лю Чжиян спрятал эмоции за привычным непроницаемым взглядом:

— Ничего. Думаю о сегодняшнем визите губернатора.

Гань Чуань затребовал себе еще одну пиалу лапши и за обе щеки принялся уплетать ее:

— А чего тут думать? Даэр вознамерился прибрать весь этот теневой пирог к собственным рукам, чтобы грести бабло в одиночку. Теперь Чэнь Суну придется несладко — пускай сцепятся, нам же лучше... Черт, да до чего же бульон хорош! Неужто его специально таким наваристым делают, чтобы живым веселее скорбеть было?

— Ты планируешь помогать Чэнь Суну? — спросил Лю Чжиян.

Гань Чуань поперхнулся, приостановив движения палочек, и качнул головой:

— Я с таким трудом отмываю легальный бизнес. Зачем мне лезть на рожон и бодаться с губернатором?

Лю Чжиян вздохнул. В его словах имелась резонная логика.

Едва он вознамерился сам взяться за приборы, как из задних покоев вывалилась компания Чэнь Суна.

Чэнь Сун остановился над Гань Чуанем, сурово поглядывая на уминающего лапшу директора:

— Я отбыл у гроба весь день. Не пора ли тебе меня сменить?

— Не видишь, человек ест? — ответил Гань Чуань, не поднимая головы. — Если я зайду на минуту позже, дед что, из гроба восстанет?

Чэнь Сун закатил глаза, но спорить не стал — вместо этого уселся прямо напротив.

Поняв, что у них намечается серьезный разговор, Лю Чжиян поднялся и слегка сжал плечо Гань Чуаня:

— Брат, я подменю.

Он вытер губы, поправил воротник костюма и прошел в задний покой.

Здесь не было ни души. Сквозняк, гулявший между голыми стенами, приносил

умиротворяющую прохладу, сбивая душную жару.

Лю Чжияну как раз требовалось место, чтобы собраться с мыслями. Отослав пару дежуривших у дверей шестерок, он подошел к домовине и посмотрел на умиротворенное лицо усопшего Босса Яня. В груди вырвался тяжелый вздох: вот так просто загнулся грозный хозяин подпольного мира.

Лю Чжиян опустился на колени перед поминальной доской, разжег жаровню, взял пачку жертвенной бумаги и стал медленно, лист за листом, бросать ее в огонь.

Сейчас «Ваньхао» под контролем Чэнь Суна, значит, нужно выждать идеальный момент. Лучше всего зайти туда под видом игрока в разгар их грызни с Дазром и вытащить пленников.

Но сначала необходимо выяснить, где именно в отеле держат остальных троих.

Не рискуя, добычу не возьмешь — придется идти в казино и сыграть пару партий.

Пепел от бумажных денег рос горкой. Ночь вступала в свои права.

Дверь в задний покой тихо скрипнула.

Гань Чуань замер на пороге, глядя на точеную фигуру Лю Чжияна. Тот преклонил колени на бамбуковой циновке; сполохи огня плясали на его лице, придавая ему вечно печальное выражение. И он даже не подозревал, до чего соблазнительно строгий черный костюм подчеркивает изгиб его тонкой талии.

Лю Чжиян услышал его сразу же, едва зашуршала дверь: он узнал тонкий, едва уловимый аромат парфюма.

Это казалось странным — Гань Чуань обладал взрывным, удушающим характером, но шлейф от него исходил едва заметный. И этот запах Лю Чжиян не путал ни с чем на свете.

Гань Чуань подкрался сзади и обнял его за плечи, накрывая своей парфюмерной волной.

Лю Чжиян продолжал бросать бумагу в огонь, однако почувствовал, как сидевший сзади мужчина теряет контроль — его губы припали к загривку.

Лю Чжиян качнул головой, уклоняясь, и негромко осадил:

— Мы в поминальном зале.

— Ну и что? — Гань Чуань прильнул к его уху. — Дорогой, ты даже не представляешь, как чертовски хорош в этом костюме. Чем проще на тебе одежда, тем ярче ты сияешь.

Лю Чжиян сдержанно усмехнулся:

— Тогда буду ходить так на работу каждый день.

— Еще чего! — ревниво зарычал Гань Чуань. — Такой красотой имею право любоваться только я.

Лю Чжиян про себя вздохнул:

«У него совсем крыша поехала...»

Гань Чуань вырвал из его пальцев остатки жертвенных денег, швырнул их на пол и отставил жаровню в сторону. Лю Чжиян попытался тянуться за ней, но его тут же опрокинули навзничь прямо на бамбуковую циновку.

Только тут до Лю Чжияна дошло: этот психопат реально собрался устроить непотребство прямо у гроба.

Он уперся ладонями в нависающую грудь Гань Чуаня и чеканно, чеканя каждое слово, повторил:

— Это. Поминальный. Зал!

Гань Чуань перехватил его запястья и прижал их к циновке:

— Снаружи стоят мои люди. Сюда никто не зайдет.

Лю Чжиян опешил:

«Да при чем тут люди?!»

Пока он пребывал в ступоре, Гань Чуань легко перевернул его на живот, оседлал бёдрами и принялся расстегивать ремень на его брюках.

Лю Чжиян запрокинул голову и уткнулся взглядом прямо в портрет Хозяина Яня. Улыбающаяся физиономия покойника с фотографии заставила его волосы встать дыбом. В панике он извернулся и вцепился в рукав Гань Чуаня:

— Только не здесь... Я прошу тебя.

Гань Чуань вскинул глаза на гроб и портрет:

— Не бойся, дорогой. Старик на нас не обидится.

С этими словами он накрыл губы Лю Чжияна жарким поцелуем.

Хватка у Гань Чуаня была стальная. Намертво зафиксировав затылок Лю Чжияна, он смял его вечно прохладные губы, ворвался внутрь и жадно выпил весь воздух из его легких.

Его свободная рука уже вовсю орудовала на застегнутой на все пуговицы рубашке Лю Чжияна.

Спустя целую вечность Гань Чуань наконец отпустил его рот, припал к мочке уха, ощутимо прикусил ее, а затем переместился к шее, оставляя влажные, горячие следы.

Лю Чжиян снова запрокинул голову и опять наткнулся на портрет Яня. Разум отказывался принимать происходящий абсурд. Он попытался отпихнуть голову Гань Чуаня:

— Пожалуйста... Не надо здесь...

<http://bllate.org/book/20071/1990805>